

Q B 469
A 833

В. К. Арсеньев.

СОБОЛЯКИ

ТАДВИСТОК.

1925.

И. С. Яковлев

639.1 ✓

В Библиотеку Мебаровского
Краевого Музея от автора
В Арсеньев

В. К. Арсеньев ✓

31.8 1925.
Г. Мебаровск.

AB469

A-853-30

ЗА СОБОЛЯМИ

СКУПЩИКИ ПУШНИНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

3115 2 62155.
3115 ✓

БИБЛИОТЕКА
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

ВЛАДИВОСТОК

1925 ✓

Получено
1940 г.

Гублит 1045.

Тираж 5000.

«Красное Знамя» — 1-я тип. Акц. О-ва «Книжное Дело».
Владивосток, Ленинская, 45.

I.

Прежде чем попасть в какой-либо меховой магазин, шкурка соболя претерпевает много мытарств, о которых часто не знают не только покупатели, но и сами продавцы пушнины.

С соболя шкурка снимается тотчас, как только животное убито и не успело еще окоченеть. Для этого от заднего прохода вправо и влево делается два небольших разреза, по дюйму длины каждый, и затем, осторожно действуя ножом, стараются, сколько возможно, отделить шкурку около разрезов, в особенности же около корня хвоста. Потом принимаются и за самый хвост. Это процедура довольно трудная: стержень хвоста сидит очень прочно, а плотная кожа его, покрытая длинными волосами, будучи сложена вдвое, с трудом выворачивается. Чтобы совсем не оторвать хвост, действуют так: захватив одним или двумя пальцами левой руки за основание стержень хвоста, правой равномерно тянут за шкурку, пока она не сойдет. Затем берут струганую палочку такой же толщины, как стержень, и при помощи ее вновь выворачивают хвост шерстью наружу. Палочка остается в шкурке хвоста до тех пор, пока он совсем не высохнет.

Затем тушку соболя привязывают веревкой за стержень хвоста, вешают на гвоздь (приколыш), вбитый в стену, или на ветку дерева головой книзу и снимают шкурку «чулком», препарируя ¹⁾ лапки и уши.

Орочи нос соболя оставляют на тушке. Обычай этот основан на поверье, что соболю узнает (учует), кто именно поймал его, если снять нос вместе со шкуркой. Человек, позволивший себе эту неосторожность, навсегда лишается удачи в охоте.

Пялка на соболя.

Китайцы едят соболя только в том случае, если нет другого мяса, а растительная пища надоела. Обыкновенно же они бросают его около фанзы, предоставляя дальнейшую о нем заботу сойкам и воронам.

Орочи и удэгейцы, опять-таки из тех же соображений, чтобы соболю не узнал, где живет виновник его гибели, относят тушку подальше от своей юрты, а некоторые, наиболее суеверные, даже не приносят ее домой и бросают на месте охоты. Впрочем, в китайских зверовых фанзах приходилось иногда видеть засохшие тушки соболей, повешенные в амбарах, а также хорошо отпрепарированные соболиные черепа. Покидая фанзы, манзы не уносят черепа с собой, но любят собирать и нанизывать их на веревочку, как украшения.

Как только шкурка с соболя снята, ее тотчас же, пока она еще сырая, одевают на **п я л к у** шер-

¹⁾ Препарировать—обрабатывать так, чтобы сохранился внешний вид.

стью внутрь, а кожей наружу, за исключением хвоста, который уже более не вывертывают.

Китайская и корейская пялки делаются из дерева и имеют вид меча с тупыми краями, а ороцкая и тунгусская—состоят из двух или трех, соединенных у основания, прутиков, свободные концы которых связаны ремешком. Они часто бывают украшены резьбой, причем основание обделывается в виде головы медведя, соболя, лисицы и т. д.

Головка пялки на соболя, обделанная в виде зверовой мордочки.

Русская пялка по внешнему виду такая же, как и китайская, но состоит из трех частей: двух боковых пластин, вставляемых внутрь сырой шкурки соболя, и среднего клина, который двигается до тех пор, пока она не растянется на желательную ширину. Очень часто шкурку не только не растягивают, а наоборот, «ссаживают». Тогда ее редкая темная ость сближается, отчего она кажется лучше, ценнее, чем есть на самом деле.

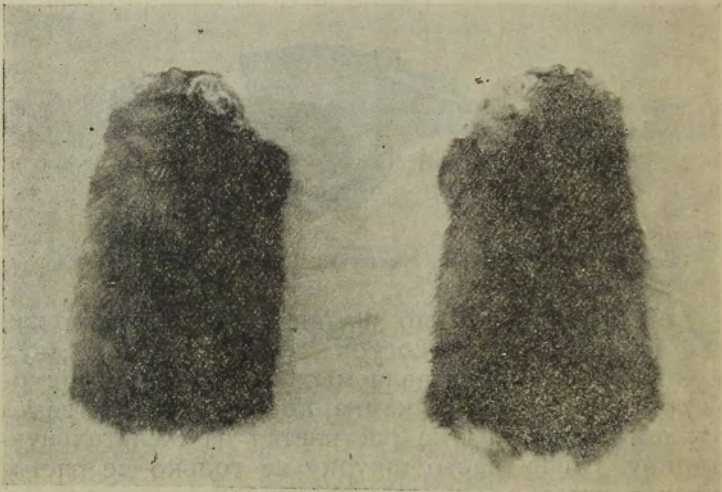
Когда шкурка просохнет, как следует, и нет опасений, что мех станет подопревать, ее снимают с пялок и мнут руками до тех пор, пока она не делается мягкой. В таком виде ее и хранят в сухом месте и только для осмотра покупателем выворачивают мехом наружу; при этом ее раза два сильно встряхивают, чтобы помятая ость легла ровнее.

Соболиные шкурки по качеству меха делятся на четыре сорта:

1) Головка—одиночные экземпляры высшего качества.

2) Первый сорт—имеет густую шерсть однотонного темно-бурого цвета, с густым подшерстком, с серым, слегка синеватым отливом; не более 4-5% общего количества соболей в партии.

3) Второй сорт—при такой же шерсти имеет более или менее часто разбросанные по

Соболиные шкурки.

всему телу белесоватые остинки (искру)—25-30% всей партии.

4) Третий сорт—отличается шерстью среднего размера темно-бурого цвета на спине (как бы в виде широкого продольного ремня) и светло-бурого по бокам и на брюхе. Подшерсток довольно густой, серого цвета,—40-50% всей партии.

5) Четвертый сорт—имеет светло-бу-

рый цвет, переходящий в грязно-желтый, с редкой черной остинкой или без нее. Подшерсток серого цвета,—15-20% всей партии.

б) Х в о с т—одиночные экземпляры худшего качества.

Скупщики пушнины соболей третьего сорта делят ее еще на две-три группы и расценивают их сообразно с качеством ости и подшерстка.

Смешанных мехов никто не продает и не покупает. И в самом деле, соболь с искрой, затесавшийся среди однотонно-темных, мешает,—режет глаз и даже известным образом обесценивает последних.

То же самое можно сказать и про плохих соболей. Как бы малоценны они ни были, но в хорошо подобранной партии всегда пойдут дороже, чем в одиночку или будучи смешаны с другими.

Дешевые сорта соболей китайцы подвешивают над очагом для подкапчивания, отчего действительно их мех становится немного темнее; но зато шкурка на долгое время приобретает запах дыма, и красивое розовато-оранжевое пятно на нижней части шеи животного блекнет, принимая грязноватый оттенок. С течением времени копать стирается с ости, и тогда шкурка, вшитая среди настоящих темных соболей, начинает выделяться своим непривлекательным видом.

II.

Раньше, до ознакомления с русскими и китайцами, туземцы вовсе не занимались соболеванием; мех случайно убитого соболя шел на рукавицы, головные уборы или для наушников. Тогда туземцы больше ценили мех росомахи. Но вот прибывают маньчжуры и жадно набрасываются на

соболей. Спрос на мех дорогого хищника создал промысел.

Раньше всех с маньчжурскими купцами познакомились амурские гольды и значительно позже туземцы, обитающие в Зауссурийском крае к востоку от Сихотэ-Алиня.

Обычно меха у туземцев выменивались: 1) на товары и предметы первой необходимости, как-то: железный котел, копье, нож, топор, фитильное ружье, порох, свинец; 2) на наркотические вещества—спирт, табак; 3) на предметы роскоши—шелковые ткани, фарфоровую посуду, серьги, браслеты, медные украшения, нашиваемые на одежду; и 4) на продовольствие—муку, рис, чумизу, бобовое масло и проч.

Особенно высоко ценились котлы и копыя. Эти вещи и теперь еще имеют громадное значение в жизни туземцев. Они играют большую роль при рождении ребенка, при внесении колыма (т о р и) во время заключения брака, при наложении штрафов (б а й т а), а также и при снаряжении покойника в загробный мир. Они добывались с большим трудом через третьи руки—от маньчжурских купцов или от японцев через посредничество сахалинских айнов. Любопытно, что этот меновой способ торговли держался чуть ли не до последних дней. В 1910 г. инородцы кое-где начинают впервые продавать соболей на наличные деньги, но затем во время революции, когда началось катастрофическое падение денежных знаков, снова обращаются к первобытному способу торговли.

По подсчету ороча, ему на свою семью, состоящую из него самого, его жены, старухи матери и двух его детей (5 человек), для круглого обихода на весь год, кроме юколы и мяса, необходимо: около 15 пуд. муки, 5 пуд. рису, 1 пуд соли и 4 кирпича чаю. Кроме того, он должен купить

патроны, порох, спички, одежду, топор, нитки, иголки. На все это ему нужно около 200 рублей в год. Эти 200 рублей он и должен добыть охотой, и, главным образом, соболеванием.

Торговля соболями в Уссурийском крае имеет, по крайней мере, столетнюю давность.

Первые свои шаги скупщики соболей начали с обманов.

Маньчжурские купцы не замедлили воспользоваться неведением инородцев. Заметив, какую ценность для последних представляют котлы, они стали требовать за котел столько соболиных шкурок, сколько он мог вместить их до краев, при чем уминали их рукою.

Старообрядцы, поселившиеся в Зауссурийском крае, рассказывали, что когда они впервые прибыли на р. Амгу, то соседи их, удэхейцы, не знали цены на соболинй мех и охотно выменивали его на обыкновенные жестяные чашки, стоимостью в 20 коп., принимая их за серебряные.

Низкая цена на соболий мех и большой спрос на него заставили туземцев энергично взяться за охоту. Расхищая свои природные богатства, туземцы вели соболинй промысел без должной осмотрительности и, сдавая меха за бесценок купцам, сами от этого не делались состоятельными.

Площадь обитания соболя стала быстро сокращаться, и, в конце концов, дело дошло до того, что был поднят вопрос об ограждении дорогого хищника от полного истребления его.

В 1912 году был издан закон, воспрещающий охоту на соболей в течение трех лет. Закон этот имел целью дать зверьку отдых от постоянного преследования и вместе с тем дать ему возможность вновь наплодиться.

Лица, которые ко дню опубликования закона имели на руках собольи шкурки от охоты предыдущих лет, должны были явиться в канцелярию ближайшей лесной администрации для наложения на них печатей.

Составитель закона имел хорошую цель, но результат получился совершенно обратный. Дело в том, что для туземцев звероловство является столь же необходимым средством к жизни, как и рыболовство. Без соболевания они будут терпеть такую же нужду, как и земледельцы, которым запретили бы обрабатывать землю, а потому одним запретом невозможно было остановить туземцев от соболиного промысла. К тому же скупщики пушнины стали уговаривать их не обращать внимания на запрет и продолжать работу.

Китайцы прекрасно учли беспомощное положение туземцев. Они знали, что туземцы продать русским мехов не могут, держать их у себя долго не станут, и потому предлагали цены значительно меньшие, чем в прежние годы, мотивируя риском приобретения незаконно упромышленной пушнины и конфискации ее во время прохода через русские селения, где возможны обыски и задержания лесной стражей.

Таким образом, запрет охоты на соболя, без субсидирования туземного населения продовольствием, привел к тому, что туземцы, чтобы заработать ту сумму, которую получали ранее от охоты, должны были удвоить энергию и в действительности стали ловить соболей вдвое больше, чем прежде.

Китайцы, скупив собольи шкурки почти за бесценок, не везли их по дорогам, а пробирались за границу в Маньчжурию тайком, минуя таможенные посты и обходя деревни. Таким образом, все соболя, пойманные во время запрета, ушли в Ки-

Тай, и только ничтожный процент их остался в крае.

III.

Теперь посмотрим, как производится скупка пушнины в таежных районах.

Ею занимаются русские, якуты и китайцы, а в последнее время—корейцы и японцы. Мелкие скупщики пушнины скупают пушнину на свой счет за свой страх и риск, а потом уже перепродают ее крупным торговым фирмам.

Русские сами соболей не ловят (за исключением старообрядцев), но охотно скупают их у туземцев, редко у корейцев и еще реже у китайцев.

Одни русские скупщики мехов просто отправляются в тайгу к туземцам и покупают у них меха за наличные деньги, при этом стараются убедить туземцев, что в г. Владивостоке и Хабаровске цена на соболей упала, и потому дорожиться не следует; придумывают и причины падения цен, иногда настолько наивные, что в них могут поверить разве только простодушные туземцы, живущие вдали от населенных пунктов.

Достоинны удивления и те способы, к которым прибегают скупщики пушнины, чтобы сбить с толку туземцев. Иногда они объявляют, что новая мода требует соболей светлых, и потому темные не в цене, и нарочно за плохого соболя дают большие деньги. Весть о новой расценке быстро распространяется в тайге. Этого только и надо скупщику пушнины. Потеряв в одном месте несколько десятков рублей, он в других местах наверстывает потерянное сторицей.

Русские скупщики пушнины часто стараются использовать свое знакомство с туземцами следующим образом. Они берут у них соболей без де-

нег, в кредит, не условливаясь о цене (кредит среди туземцев вещь самая обыкновенная). Продав соболей в городе, скупщики объявляют туземцам цену, какую находят для себя выгодной, и по этой цене производят расчет.

Так, в 1906 г. старообрядец Леонтий Бортников, с реки Амгу, собрал у местных туземцев соболей на 4000 рублей, а продал их в городе за 7000 рублей, заработав, таким образом, сразу около 3000 рублей золотом.

В том случае, если по настоянию охотника скупщик должен заранее договориться с ним о цене, он все-таки берет соболей и, если ему в городе не удастся продать их с выгодой для себя, он просто их возвращает хозяину, и сделка считается несостоявшейся.

Особенно большие проценты имели скупщики пушнины в период с 1913 по 1920 г., когда в обращении у населения имелись «сибирские» денежные знаки, ценность которых падала не по дням, а по часам.

Скупая на них пушнину у туземцев, скупщики иногда убеждали их, что курс сибирских денег начал повышаться, и что в свое время они достигнут своей настоящей цены на золото. Приобретенная таким образом, буквально за гроши, пушнина в городе продавалась на валюту, и притом по небывало высокой расценке.

Другие (как, например, Берсенов на Амуре и Степанов в Зауссурийском крае) снабжали туземцев оружием, огнестрельными припасами, продовольствием и предметами первой необходимости в кредит в течение целого года и только один раз, в конце зимы или ранней весной, отправлялись к своим должникам для сбора пушнины. Туземцы могли уплачивать долги и деньгами, продавая соболей на сторону, но на практике мало кто поль-

зовался этим правом. Туземцы боялись продавать меха случайно захавшему к ним скупщику пушнины из опасения продешевить соболей и потерять доверие своего кредитора.

Русские скупщики пушнины, собрав соболей у туземного населения Уссурийского края, отправляются в город Владивосток или Хабаровск, где у них в свою очередь приобретают соболиные шкурки более крупные скупщики. Бывает и так, что городские скупщики пушнины иногда сами едут к мелким скупщикам в целях предупредить конкуренцию и получить товар из первых рук.

Интересно со стороны наблюдать, как два скупщика торгуются между собою. Мелкий скупщик, спрятав с десяток лучших соболей, показывает крупному скупщику пушнины, приехавшему из города, все остальные шкурки. Та и другая сторона жестоко торгуются. Наконец, сделка заключена, соболя приобретены, и деньги приняты. Тогда мелкий скупщик вынимает спрятанных соболей. Покупщик теперь поставлен в такое положение, что он должен приобрести и эту вторую партию, ибо без нее первая является обесцененною. Чтобы лучшие соболя не попали в руки конкурента, он должен их иметь, хотя бы и по дорогой цене. Само собой разумеется, что мелкий скупщик пользуется безвыходным положением горожанина и запрашивает втридорога. При такой системе он иногда выигрывает 50% более того, что мог бы получить он, если бы предъявил к торгам всю партию пушнины сразу.

IV.

Китайское соболевание в Уссурийском крае и скупка пушнины китайцами у туземцев имеет свою историю. Обыкновенно звероловы-манзы прекращали свою работу, как только выпадали

глубокие снега, что обыкновенно происходило для бассейна Уссури и ее притоков в январе, а для Зауссурийского края—в декабре месяце. Возвращение соболевщика в деревню становилось известным в тот же день. Тогда все другие охотники

Охотники-китайцы в Уссурийской тайге.

устремлялись к нему, и начинались расспросы. Пришедший не скрывал, сколько он поймал соболей, и охотно показывал свою добычу. Шкурки переходили из рук в руки, их осматривали и оценивали. Когда приходил последний звероловец, то все уже знали, кто в текущем году имел успех, и кого постигла неудача.

Лет двадцать тому назад китайские звероловы оставляли соболиные меха в фанзах открыто.

Они знали, что никто их не тронет, а если бы кто и решился позариться на чужую собственность, то его ждало страшное наказание—закапывание живым в землю. Этот порядок поддерживали и первые русские переселенцы, попавшие в Уссурийский край в 1859 году.

Но затем, когда число переселенцев возросло, особенно после 1906 г., пропажа мехов сделалась обычным явлением. Китайцы стали укупоривать меха в жестяные банки и закапывать их под земляной пол в фанзе. Скоро, однако, грабителям этот секрет стал известен. Тогда китайцы придумали другой способ хранения пушнины. Они стали складывать соболиные шкурки в мешки и прятать их в дуплах деревьев, в стороне от жилища, а для того, чтобы не протапывать к заветному дуплу тропы, подходили к нему каждый раз новой дорогой, иногда делая значительные обходы.

Во всякую вновь приобретенную страну всегда идет сперва элемент, который не может ужиться на родине. Людьями этими, главным образом, руководит алчная нажива. Великие бедствия терпит туземное население от таких завоевателей. Уссурийский край в этом случае не представлял исключения.

Как только Приморская окраина стала заселяться, колонисты начали «прижимать» китайцев и под разными предлогами отбирать у них пушнину. Скоро дело перешло к открытым насилиям.

Китаец выслеживал соболя, а русский «промышленник» выслеживал китайца. Началась настоящая охота за людьми,—стрельба по «лебедем», как называли одетых во все белое корейцев, и по «фазанам», т. е. по китайцам, одетым в темные цвета. И те и другие были заманчивыми «объектами» для охоты. У них всегда можно было най-

ти жень-шень, соболиные меха, кабарожью струю и панты.

Грабители стали караулить соболевщиков в то время, когда те выходили из тайги. Тогда китайцы стали делать ночные переходы горными тропами, целиною, без дорог; ночью они шли, а днем отдыхали.

В ясные светлые дни грабители взбирались на высокие горы и оттуда смотрели в долины,—не видно ли где дымка, который бы указал место привала соболевщиков.

При столкновениях дело не раз доходило до перестрелки, в результате которой всегда были жертвы с той и с другой стороны. Грабители, расширяя свой район действий, начали делать нападения и на туземцев. Эти последние старались сперва откочевывать подальше в горы, но смерть следовала за ними по пятам. Многие из них тогда побросали веками насиженные места и ушли в Маньчжурию.

В Уссурийском крае тайга оживает зимою. Китайцы, корейцы и туземцы—все устремляются в горы. Ради маленькой соболиной шкурки они забираются в самые глухие дебри и здесь со стоицизмом, достойным лучшей участи, перенося голод, холод и всяческие невзгоды, они проводят долгую зиму, иногда в совершенном одиночестве.

Но вот возвратились манзы, пришли с охоты и туземцы. Лихорадочная деятельность охватывает все население. Это время скупки пушнины, время расчетов и расплаты с должниками. Изголодавшийся туземец озабочен не тем, как бы выгоднее продать своих соболей (китайцы будут брать их у него по цене, которую сами назначат), а тем, как бы при подсчете с кредиторами они не отобрали у него оружие, жену и ребенка.

Наконец, расчеты кончены. Манзы расходятся по своим местам и предаются азартным играм «в банковку».

В это время проявляют усиленную деятельность хунхузы. Они появляются то здесь, то там, нападают на соболевщиков и отбирают у них меха, деньги и все, что есть ценного. Если китайцы не хотят указать, где у них спрятаны соболя, хунхузы прибегают к пыткам.

Лет двенадцать тому назад китайцы немилосердно эксплуатировали туземцев, при этом пускались в ход и обман и насилия и побои. Так, скупая соболей, они платили туземцам за меха номинально, хотя бы цена и была высока; но никогда не выдавали денег на руки, а списывали их с общей суммы долга, выдавая в кредит новый товар по такой расценке, которая сторицей окупала затраты, только что произведенные на покупку пушнины. Не мудрено, что при этой системе туземец всегда оставался в долгу у китайца. Так, например, в 1906 г. ороц Чан-Лин с р. Такемы должен был китайцу 3000 рублей. Он в два года сдал ему 86 соболей, и долг не только не уменьшился, а возрос еще более.

Иногда туземцев подпаивали и сажали играть в карты, в кости и, конечно, обыгрывали, а если туземец был несговорчив, то писали его имя и сжигали записку на костре. По поверью туземцев сжигание имени живого человека грозит ему смертельной опасностью; к этому еще присоединялся страх перед непонятными иероглифами,—и тогда упрямый охотник становился сговорчивее. Теперь все это отошло в область предания.

В настоящее время честность амурских туземцев стала падать в том смысле, что они стали немного лукавить. Так, например, теперь они никогда уже не скажут, сколько поймали соболей.

Уплачивая долги скупщикам пушнины, они отдают им худших соболей, а двух или трех лучших стараются спрятать, чтобы потом тихонько продать их где-нибудь на стороне. Туземец привык, что его обманывают на каждом шагу, и потому такой невинный обман с его стороны является единственным средством борьбы с хищниками-торгашами. Если он не будет так поступать, то умрет с голоду.

Туземцы пускаются и на другие хитрости, от которых уже начинают страдать сами скупщики пушнины. Так, при всяком удобном случае туземцы стараются набрать в долг побольше, в расчете затянуть его, вывести из терпения кредитора и тогда вручить ему соболей похуже и по высокой цене. Последний рад взять хоть что-нибудь, лишь бы разделаться с обанкротившимся должником.

V.

Когда китайский скупщик пушнины отправляется к туземцам, живущим далеко в горах, он везет с собою в нартах легкий мелочной товар, как-то: маленькие складные зеркала, перочинные ножи, бусы, шелк для вышивания, портсигары, табакерки, трубки, иголки, наперстки, ножницы, бисер, серьги, кольца, браслеты и кое-какие сласти.

Прибыв к туземцам, китаец прежде всего угощает их немного спиртом и всем присутствующим делает небольшие подарки. Без подарков нечего к туземцам и ездить, и никакой скупки пушнины произвести нельзя. В этом случае о спаивании туземцев говорить не приходится уже потому, что большого количества спирта провезти, за дальностью расстояния, невозможно.

После угощения китаец сообщает туземцам новости из политики, рассказывает о том, что случилось у русских, в Японии и у американцев, и как

к этому относятся в Китае, причем во-время умело подчеркнет трудность приобретения товаров, скажет вскользь, что все вздорожало, и тут же придумает, почему вздорожали товары. Все это выходит у него кстати и вполне правдоподобно.

Каждый китайский купец—дипломат и психолог. Он желанный гость у туземцев. Его ожидают все с нетерпением. После ужина он вручает хозяину юрты заказ и лично ему делает еще какой-нибудь подарок. Вечером они курят трубки, как друзья, и ведут деловой разговор.

Китаец-скупщик в поездке за пушниной.

Китаец осторожно расспрашивает об охоте и здесь узнает, сколько поймано соболей. Вслед затем начинается осмотр пушнины и ее оценка. Теперь китайцы не гонятся за бешеными барышами; туземцы знают это и не особенно торгуются.

Обыкновенно вся пушнина в этот же вечер переходит в руки китайца, а на другой день он обходит все юрты и везде таким же образом собирает пушнину. Потом он опрашивает туземцев, что надо привезти им на будущий год. Заказы всегда выполняются аккуратнейшим образом.

Китайцы удивительные организаторы. Какое бы дело они ни начали, они всегда поведут его систематически и планомерно. Во всем наблюдается паразитальный порядок. То же мы наблюдаем и в деле скупки пушнины у туземного населения в Уссурийском крае. Все туземные районы китайцы распределили между собою, но так, чтобы не мешать друг другу. И не было случая, чтобы один скупщик соболей забрался в район другого.

Вследствие того, что один и тот же китаец из года в год посещает одних и тех же туземцев, он приобретает среди них друзей и старается всеми силами сделаться им необходимым.

Если китаец—скупщик пушнины—живет от стойбища туземцев на расстоянии 100—150 верст (где-нибудь около устья реки, в большом селении, близ железной дороги и т. п.), то он уславливается с туземцами, когда те должны приехать к нему за продовольствием. Если же он живет далеко, или туземцы не могут сами приехать к нему по каким-либо причинам, то по возвращении домой он снаряжает одну или две нарты для срочной доставки в их стойбище тех заказов, в которых обитатели его сейчас особенно нуждаются.

В тех случаях, когда продовольствие нужно туземцу срочно, китаец берет клочек бумаги и на нем пишет записку китайцу же, земледельцу, живущему поблизости (в сибирском масштабе), с просьбой отпустить за его счет муки, бобового масла, табаку, чумизы, соли и т. п. К записке прикладывается красная мастичная печать с фамилией скупщика соболей. Туземец с этой запиской идет к адресату и получает все, что ему нужно. Не было случая, чтобы китаец-земледелец отказал своему собрату—скупщику мехов, даже если знает его только по наслышке. Отпустив товар, он делает на обратной стороне записки свою надпись о сумме, которую он должен потом получить со скуп-

щика пушнины, прибавляя к ней известный (установленный обычаем) процент.

Раз в год (обыкновенно дней за десять до наступления Нового года) китайцы обмениваются этими векселями и подсчитывают, кто кому и сколько должен. Может случиться, что такая записка, как верный денежный знак, попадает в другие руки, но в конце концов она обязательно дойдет до скупщика пушнины, который и выкупит ее обратно.

VI.

Люди, бывавшие по делам службы или случайно в тайге, и доброжелательно настроенные к туземцам, неоднократно убеждали их игнорировать китайцев и везти пушнину прямо в город, чтобы там самим выгодно продать соболей, минуя посредников. Этим лицам казалось все так просто: часть денег, вырученных от продажи пушнины, пойдет на уплату долга кредиторам, а на остальные туземцы закупают себе вперед на год и продовольствие, и все, что необходимо для жизни.

Дававшие эти советы упустили из виду одно очень важное обстоятельство. Все китайские торговые общества в Уссурийском крае были тесно связаны с такими же обществами в городах и потому играли крупную роль в общественной жизни Уссурийских манз, далеко заходя за пределы взаимопомощи и торговли. В нужный момент эти организации объединялись все сразу, и тогда выступали, как одна компактная сила. Протесты и выступления на местах всегда находили отклики в городах и даже в самом Китае. Это—с одной стороны; с другой,—незнакомство туземцев с городами.

Даже европеец, приехавший с партией мехов в чужой город, не сразу ориентируется и даже растеряется. Что же можно сказать про обитателя

тайги, попавшего, положим, первый раз в г. Владивосток?

У туземцев в городе нет знакомых, а если и есть, то те же самые китайцы. Им негде остановиться, и, кроме того, соблазны на каждом шагу.

Тем не менее попытки эти они делали, и каждая из них, как и надо было ожидать, кончалась неудачей.

В первый раз по прибытии в город туземцев на пристани встретили услужливые китайцы и предложили им остановиться у них. Вечером за ужином они уговорили подвыпивших туземцев продать им соболей за полцены и, вместо хороших товаров, снабдили их всякой завалью, нажив на этой операции еще 100%.

Во второй раз туземцы остановились в какой-то харчевке на окраине города, где их начисто обокрали.

В третий раз (в 1909 г.) случилось происшествие, которое навсегда отбило у туземцев охоту ездить в город для продажи соболей. Один китаец, скупщик мехов в северной части Ольгинского района, считавший местных туземцев своими поставщиками пушнины, узнав о том, что они решили, помимо него, продать соболей, сообщил об этом китайским купцам в городе, которым он сам обычно доставлял скупленные меха. Купцы тотчас же дали знать китайским агентам, бывшим в то время на службе у Владивостокской городской полиции, о том, что якобы привезенные туземцами соболя меха—краденные. Туземцы были арестованы. Впрочем, их скоро освободили, но пушнину задержали до выяснения ее происхождения. Бедные туземцы испугались и убежали, бросив свою пушнину на произвол судьбы. Прибыв к своим сородичам, они сообщили, что туземцам в город ездить нельзя, что и там хозяйничают всеиль-

ные китайцы, и поэтому следует сдавать им пушнину на месте, как было раньше.

Незадолго до мировой войны подымался вопрос о прекращении выдачи китайцам и корейцам промысловых свидетельств на право скупки пушнины у туземцев, причем исходили из тех соображений, что эти скупщики являются главными пособниками браконьеров, снабжая манз всем необходимым для незаконного промысла. Имелись в виду и другие соображения: эксплуатация туземного населения и утечка пушнины за-границу.

В 1910—1912 годах были посланы отряды лесной стражи для уничтожения зверовых фанз и выселения из таежных районов китайских собольщиков.

Как только китайцев стали прижимать в тайге на соболином промысле, перестали допускать на казенные оброчные статьи, а крестьяне начали удалять их с заимок, они бросились на мелочную торговлю. Надо поражаться, с какой быстротой китайцы организовались, покрыв своими мелкими торговыми предприятиями, как сетью, весь Уссурийский край.

Китайские купцы Владивостока, Никольска-Уссурийского и Хабаровска кредитовали купцов в урочищах и больших селах; эти посредники в свою очередь снабжали продовольствием и предметами первой необходимости мелких китайцев-торговцев, устроившихся в маленьких деревушках, расположенных на границе лесных насаждений. В их лавках постоянно ютились искатели женьшеня, охотники и звероловы, здесь процветали курение опиума, банковки и другие азартные игры.

В 1919 г., когда выяснилось катастрофическое положение русских денежных знаков, золото и серебро стали быстро подыматься в цене, а также и пушнина. Всем казалось, что меха имеют значение валюты.

Усиленный спрос на собольи шкурки привел к тому, что цены на них в иенах и американских долларах поднялись ровно в три раза против того, что они стоили до войны и революции.

Такое ненормальное положение вещей не могло затянуться надолго. И, действительно, в 1921 г. спрос на соболя падает, и шкурка его начинает быстро дешеветь. Настоящие скупщики пушнины, привыкшие с опаской и недоверием относиться к такого рода «фейерверкам», постарались ликвидировать пушнину своевременно; а спекулянты, имевшие первый раз в жизни у себя на руках меха и совершенно незнакомые с положением мехового рынка в Америке и на Дальнем Востоке, жестоко поплатились. Пушнина многих из них совершенно разорила.

VII.

Было бы ошибочно думать, что скупка пушнины у туземного населения дело легкое. Скупщику соболей приходится ежегодно покрывать многие сотни верст, зимой ночевать под открытым небом, часто голодать и подвергаться всевозможным случайностям, с которыми всегда связано путешествие по тайге, где иногда целыми неделями нельзя встретить ни единой души человеческой.

Скупщики соболей—это народ дошлый. Алчная нажива—вот тот стимул, который заставляет их рисковать жизнью. Очень часто предприятия их рушатся, и нередко дело доходит до человеческих жертв.

Для иллюстрации приведу два примера.

Однажды, в 1905 году, два китайца (Су-лянтэн и Чан-сун) отправились в прибрежный (Ольгинский) район за скупкой соболей. Они захватили с собой десять ящиков ханшина¹⁾, который намеревались выгодно променять на пушнину.

¹⁾ Китайская водка дешевого качества.

До залива Джигит свой ценный товар они доставили на пароходе. Здесь они наняли удэхейца Сале, который должен был везти их далее на лодке, вдоль берега моря, от одного селения до другого.

Первые дни плавание их было благополучное, но когда они подходили к реке Амагу, ветер засвежел и вскоре перешел в шторм.

К самому берегу лодка подойти не могла, потому что ветром сюда нанесло множество раздробленного льда. Оценив положение, Сале надел лыжи, привязал к поясу конец тонкой длинной веревки и по волнующейся, кашеобразной массе мелкого льда бегом добрался до берега.

Вступив на твердую землю, он привязал лыжи к бичеве, которую тащил за собой, и стал китайцам кричать, чтобы они тянули ее к себе.

Китайцы поняли, что Сале предлагает им проделать то же, что и он. Но им жалко было оставить ханшин на произвол судьбы. Ведь, за него можно получить много хороших соболей! Они решили не покидать лодки, взяли шесты в руки и стали делать попытки еще продвинуться к берегу. Пока они пререкались, нашла огромная волна. Сале видел, как лодка взметнулась кверху, корма ее осела и в следующее мгновение из нее посыпались ящики... Когда волна докатилась до берега, лодка плавала среди льда дном кверху. Оба китайца погибли.

О том, каковы нравы промышленников, всегда склонных променять звероловство на охоту за человеком, свидетельствует следующий случай, имевший место в 1909 году в тайге между реками Бикином и Иманом.

На станцию Губарево прибыли два охотника. Один из них был рослый детина лет сорока, с рыжими волосами, другой—коренастый, с темнорусой окладистой бородой, лет тридцати пяти. Первый имел угрюмый характер и был молчалив, вто-

рой—степенный, но словоохотливый. Рыжеволосый говорил тихо и всегда озирался по сторонам; человек с бородой был, как говорится, себе на уме. Своими разговорами он вызывал других на откровенность и из слов собеседников делал для себя соответствующие выводы.

Охотники объявили в соседних деревнях, что приехали они на соболевание и намерены пробыть в тайге всю зиму.

Место, выбранное ими на р. Силане, оказалось удачным. Тут было старое зимовье. Они привели его в относительно жилой вид и затем отправились на осмотр ближайших окрестностей. Через несколько дней они точно знали, что на р. Бейцухе соболюют тазы, на р. Хоннихезе—два китайца и на Малом Силане—один кореец.

Оба охотника вели себя очень странно: ловушек на соболя они не устраивали вовсе, вставали поздно, изредка ради забавы ходили на охоту за рябчиками, после обеда отдыхали и рано ложились спать.

Прошел месяц, другой. Соболевание близилось к концу. Не сегодня—завтра манзы должны были оставить свои зверовые фанзы и с богатой добычей уйти за р. Уссури. Тогда оба промышленника проявили энергию. Они решили идти на охоту.

Дня через три они вернулись не с пустыми руками. Рыжеволосый человек принес одиннадцать соболей, сто шестьдесят девять белок и семь колонков ¹⁾, а промышленник с окладистой бородой—шестнадцать соболей, сто двенадцать белок, трех выдр и одного колонка.

Как раз в это время к ним приехали два скупщика пушнины—родные братья. Они знали о су-

¹⁾ Колонок—животное из семейства кунниц; водится в лесах Сибири и Дальнего Востока.

ществовании заброшенного зимовья и намеревались устроить здесь свою базу, чтобы отсюда делать поездки ко всем соседним зверовщикам.

Охотники обрадовались приезду скупщиков пушнины и в тот же день продали им все свои меха.

Дня через два один из братьев решил поехать на р. Силан, а другой на следующий день должен был отправиться на р. Хоннихезу. Проводить первого вызвался рыжеволосый охотник.

К сумеркам последний вернулся один, и на вопрос скупщика, где его брат, в свою очередь спросил: «А разве он не дома?» Получив отрицательный ответ, он выразил крайнее удивление и при этом сказал, что его спутник, почувствовав себя больным, с половины пути возвратился обратно, а сам он отправился дальше, посетил китайскую зверовую фанзу и назад к зимовью шел другою дорогой—целиной, через горы.

Скупщик пушнины встревожился за брата и просил рыжеволосого промышленника проводить его к тому месту, где он оставил больного.

Утром рано они оделись, взяли ружья и пошли по тропе на р. Силан. Дома остался охотник с окладистой бородой. Минут через двадцать после их ухода он услышал выстрел из ружья, но не обратил на это внимания.

Спустя некоторое время, он переобулся, взял свою винтовку и только что хотел выйти из зимовья, как увидел рыжеволосого промышленника, который целился в него из ружья.

Привыкший к такого рода вещам, он сразу сообразил, в чем дело,—и бросился назад в зимовье. Но в это мгновение грянул выстрел и пуля пробила ему бедро.

Раненый пробрался к окну. Рыжеволосый промышленник заметил это и спрятался в кустах. Оба боялись и следили друг за другом. Теперь все зависело от того, кто первый увидит врага. Такое

осадное положение длилось несколько часов. Незадолго перед сумерками человек с окладистой бородой заметил рыжеволосую голову. Он тщательно выцелил ее и спустил курок. Его противник, сидевший на пне, покачнулся и вслед затем сунулся вперед—лицом в снег. Он умер в позе человека, который как бы делал земной поклон в сторону зимовья.

Человек с бородой сделался обладателем всей пушнины, но это не спасло его. Дня через три его нашли другие охотники и доставили в ближайшую деревню.

Рана, полученная им в бедро, оказалась опасной. Он получил заражение крови и вскоре умер в сильных мучениях.

Весной манзы-зверовщики обнаружили в двух зверовых фанзах убитых китайцев, а на тропе к зимовью обоих скупщиков пушнины, застреленных в спину рыжеволосым промышленником.

Умри охотник с окладистой бородой в зимовье,—все эти убийства приписали бы китайским разбойникам.

А сколько в горах ежегодно совершается кровавых драм, о которых никто не знает...

Суровая тайга хранит такие тайны!

Дальне - Восточно - Сибирское
Акционерное Общество
„КНИЖНОЕ ДЕЛО“.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. **В. К. Арсеньев.** Искатели жень-шеня. Стр. 24, с рис. Цена 8 коп.
 2. **Строгий, А.** Посадка деревьев и уход за ними.
 3. **Ржанов, Г.** От станка и сохи к газете.
-

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. **Яковлев, С.** Амурская кета и ее жизнь.
 2. **Арсеньев, В.** Дорогой хищник. (Охота на соболя в Уссурийском крае).
-

Дальне - Восточно - Сибирское
Акционерное Общество
„КНИЖНОЕ ДЕЛО“

— — —

БИБЛИОТЕКА
Сельского Хозяина ДВО.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. Пчеловодные товарищества, и как их устраивать.
Стр. 36. Цена 8 коп.
 2. Маслодельные и сыроваренные артели, и как их
устраивать. Стр. 32. Цена 8 к.
 3. Бычьи товарищества, и как их устраивать. Стр. 36.
Цена 8 к.
 4. Машинные товарищества, и как их устраивать. Стр.
32. Цена 8 к.
 5. А. Зефилов. Как уберечь домашних животных от
заразных болезней Стр. 64. Цена 15 к.
 6. Н. Смирнягин. Как улучшить посевной материал.
Стр. 32. Цена 8 к.
-

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- ПАШИНСКИЙ, А. Как улучшить наш рогатый скот.
ЧАРНЕЦКИЙ, Л. Рисосеяние в Приморье. Практические со-
веты сельским хозяевам—рисоводам.
КОМАРОВ В. и Е. АЛИСОВА. Определитель растений
Приморья.
ЛЕЛЯКОВ, А. Промышленное пчеловодство в условиях
ДВО.

**ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
«КНИЖНОГО ДЕЛА» на Д. В.**

БИБЛИОТЕКА
—
ХАБАРОВСК. КРАЕВОГО
ГОС. МУЗЕЯ.

Цена 12 коп.